

рической мысли от античности до его времени (см. Введение...). Грановский считает, что народы древнего Востока, а затем Древней Греции не могли создать всеобщей истории в силу своей местной (в Греции — полисной) ограниченности, свойственного ей «гордого отличия между эллином и варваром» (Там же). Римляне слишком примитивно понимали историю как «учительницу жизни» (*magistra vitae*) и потому тоже не могли создать «всеобщую историю».

Средневековые хронисты, как правило, передавали лишь сведения о наиболее важных событиях, не всегда устанавливая даже причинно-следственные связи между ними. Только историки эпохи Возрождения, и прежде всего Макиавелли, сумели включить «частную» историю Флоренции в более широкие рамки всеобщей истории (Там же).

Но впервые это понятие (как история развития человечества) было выдвинуто историками XVIII в. (Болингброк, Вольтер, Монтескье), хотя и они на практике тоже не смогли дать ее правильного истолкования, открыть ее законы. Они, по мнению Грановского, изображали историю только как результат коллективного опыта людей, придавая ей, таким образом, «бесчеловеческий», «пустой» характер. В это время, правда, возникла «всемирная история» как собрание фактов из истории всех народов, но неспособная осмыслить ее ход в целом (Там же).

И только у Вико (в начале XVIII в.), затем у Гердера, позднее у Канта, Фихте, Шеллинга и, наконец, у Гегеля (с начала XIX в.) возникла настоящая «всеобщая история», не претендующая в отличие от «всемирной истории» на описание прошлого всех народов мира, но дающая общее осмысление закономерного процесса развития человечества в целом (Там же). Именно так, как мы видели, оценивал и сам Т. Н. Грановский смысл истории как науки и ее полезность.

Конечно, многие положения этой схемы развития историографии не могут удовлетворить современного историка исторической науки: идеалистическая основа воззрений Грановского, его необоснованное деление истории на «всемирную» (низшего ранга) и «всеобщую» и мн. др.³² Однако для середины XIX в. такая трактовка, осмысляющая общий ход развития мировой исторической мысли, представляла несомненный интерес.

Будучи человеком своего времени, когда в историографии, как зарубежной, так и русской, ведущая роль в истории отводилась государству³³, Т. Н. Грановский разделял это пристрастие. Как и

³² О современном марксистском понятии этих терминов см.: *Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981, с. 38—46.*

³³ Этот взгляд был присущ, в частности, и Гегелю, боготворившему государство даже в образе милитаристской прусской монархии.